

Андрей Крикун

Пока горит свет

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Андрей Крикун
Пока горит свет

«Автор»

2026

Крикун А.

Пока горит свет / А. Крикун — «Автор», 2026

Главный герой едет в деревню в разгар новостей о эпидемии модифицированной прионной болезни. Зараженные теряют память, становятся агрессивными, их позвоночник деформируется. Герои наблюдают за происходящим в новостях и соцсетях, организуют борьбу за выживание, пока зараженные не появятся в деревне.. Через некоторое время оказывается что отсидеться в деревне возможно не получится. Выясняется что оперативно найденный для лечения препарат, спасает от смерти, но превращает людей в чудовищ, которых называют уродами или тварями, они не умирают как заражённые и убить их не просто. Героям и их новым знакомым придется искать одного из тех, кто в ответе за результат "лечения". Но у него есть свои планы..

© Крикун А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Солнечный день, мёртвый город.	6
Начало	12
В деревне летом)	16
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Пока горит свет

Глава

Солнечный день, мёртвый город.

Солнце светило так, будто ничего не случилось.

Оно стояло высоко, почти по-летнему, и ровный бело-золотой свет ложился на фасады домов, на трещины в асфальте, на зеленую траву, которая без спроса лезла отовсюду: из клумб, из ливневых стоков, из щелей между бетонными плитами, из-под старых бордюров, как если бы земля за эту весну вдруг вспомнила, что всё это когда-то принадлежало ей и, в общем, может принадлежать снова. Конец сентября выдался теплым и солнечным. На обочине красовались цветочки, - бессмертники. В кустах сирени копошились мелкие птицы. Где-то далеко, послышался крик — короткий, надтреснутый, так, что сразу стало ясно: не человек. Или человек, но уже не тот, с кем захочется поздороваться.

С виду мир был почти хорош.

Воздух пах зеленою, сырой штукатуркой и чем-то нагретым — то ли старым рубероидом, то ли пылью на крышах гаражей. На секунду, на совсем короткую, можно было представить, что это обычный поздний май, что сейчас откроется балконная дверь, кто-нибудь вытряхнет половик, снизу крикнут: «Осторожнее!», в магазине на углу будут брать мороженое и хлеб, а у подъезда две пенсионерки станут обсуждать цену на яйца, погоду и бессовестную молодежь.

Но стоило посмотреть внимательнее, и пасторальная картинка трескалась.

Окна в доме слева были частью выбиты, частью заколочены. Не аккуратно, хаотично, по-настоящему — криво, наспех, разными досками, кусками лдсп, обрезками профнастила, снятыми, вероятно, с сараев, дверцами старых шкафов. Где-то доски были прибиты крест-накрест, где-то в несколько слоев, с таким остервенением, словно люди заколачивали не окна, а саму возможность того, что к ним войдет что-то извне. На одном балконе хлопал под ветром выцветший детский плед, такие давали в роддоме. Под ним чернело пустое кресло-качалка.

У тротуара, возле разросшегося кустарника, валялся человеческий костяк.

Он лежал на боку, в остатках куртки, белый и легкий на вид, почти игрушечный, если не знать, что у игрушек не бывает таких пустых глазниц и пакета из супермаркета, прилипшего к тазовой кости после дождей и ветра. Череп был повернут к дороге. Ребра были обглоданы чисто, деловито, без всякой истерики — так природа работает, когда ей никто не мешает. На локтевой кости еще висела полоска чего-то темного, высохшего, похожего то ли на рукав, то ли на кожу.

Денис не остановился.

Удивление в этом мире стало не то чтобы бесполезным — оно стало дорогим. Оно забирало силы, а силы теперь уходили на вещи попроще и поважнее: идти не слишком быстро и не слишком медленно, слушать улицу, не подходить близко к открытым подъездам, следить за окнами первых этажей и за тем, как лежат тени между машинами. Еще — не думать лишнего.

Это правило, правда, нарушалось чаще других.

Заколоченные окна он не любил. Даже теперь, когда видел всякое. Именно потому что видел.

С выбитыми было проще. Выбитые окна значили, что там уже побывали. Люди, голодные, злые, испуганные, или не люди, но результат обычно выглядел одинаково: в квартирах царил разгром, в прихожих валялась обувь, на кухнях — банки, крупа, битая посуда, на полу — одежда, иногда с засохшими буро-черными пятнами, а в комнатах — матрасы с вывернутыми боками и шкафы, вскрытые так, словно внутри могли храниться ответы. Иногда в таких квартирах находили кости. Иногда высохшие тела. Иногда ничего, кроме тяжёлого запаха старого жилья, пыли, плесени и давно закончившейся жизни.

Но заколоченные окна были другими.

Поначалу ему даже нравилось туда лезть — если честно, именно так это и называлось в его голове. Лезть. Как в игре. Как в запрещенную локацию, где может быть что-то интересное: батарейки, лекарства, патроны, нож, спирт, газовый баллончик, на худой конец — нормальное одеяло. Тогда, в первые месяцы после зимы, когда страх еще не до конца перемешался с бытом, в таких вылазках было что-то от дурного подросткового азарта, полазить по заброшкам. Открываешь дверь — и никогда не знаешь, что там.

Потом он нашел те квартиры.

И теперь достаточно было увидеть доски на окнах, чтобы память начинала подсовывать ему одни и те же картинки, от которых не избавишься, точные до мелочей, как фотографии.

Отец семейства, видимо, решил всё сам и заранее. Или не заранее, а в ту минуту, когда понял, что помощь не придет, а ждать осталось недолго. В комнате лежали мужчина и женщина, судя по одежде на скелетах а между ними скелетик ребенка. Рядом валялся пистолет. Сухие бурые пятна и положение тел объясняли всё без слов. Воздух в квартире был неживой, стоялый, тошнотворно сладковатый. Смерть давно перестала быть чем то страшным. Но именно это почему то влезло в голову.

Но это было не самое страшное.

Самое страшное было в маленькой двушке на третьем этаже соседнего дома.

Маленький скелетик, обтянутый кое-где тонкой, иссохшей кожей, сидел на диване перед выключенным телевизором. На нем было платье с цветочками и колготки, выцветшие до блеклого, почти мелового розового. На табурете перед диваном стояла детская тарелочка и пустой стаканчик. В тарелке лежали фантики от конфет — не брошенные как попало, а аккуратно разглаженные, расправленные, один рядом с другим. Будто девочка очень старалась есть медленно. Экономила. Будто верила, что мама с папой просто заняты и скоро всё объяснят. Рядом с ней, сидел плюшевый медвежонок, серый от пыли.

Вот это Денис и вспоминал всякий раз, когда видел заколоченные окна.

Не уродов и зараженных, не банды, даже не смерть людей.

Фантики.

От этой картины не спасало ничего. Она рвалась в голову, как сквозняк в щели между досками, которыми были заколочены окна, и стояла перед глазами. Он несколько раз пытался убедить себя, что девочка, наверное, умерла раньше, чем успела по-настоящему испугаться. Просто устала и будто заснула. Эта мысль не помогала. Даже если это было правдой, она всё равно сидела перед телевизором и ждала. Тогда уходя он зачем то укутал скелетик детским одеяльцем найденным в соседней комнате и ушел ничего не взяв и уходя заколотил дверь, хотя всю дорогу старался не шуметь. Покойся с миром.

Сейчас он шел по середине улицы, держа дистанцию и от домов, и от припаркованных машин. Так было безопаснее. Зараженные и уроды днем обычно отсиживались в подвалах, выходя только если чуяли легкую добычу или не могли терпеть голод. За брошенной машиной мог сидеть кто угодно, выбитые и чистые от стекол окна первых этажей пугали не меньше. На перекрестке лежал перевернутый детский велосипед. В луже у бордюра, уже почти высохшей, белела одноразовая маска. Из открытого подъезда пятиэтажки тянуло сыростью, старыми тряпками и чем-то сладковато-гнилым, как это часто бывало там, где когда-то долго лежало тело, а потом его кто-то растащил.

И тогда его окликнули.

— Эй, братан... Слышь... братишка.

Голос был сиплый, и почти добродушный. Такой голос лет пять назад означал бы обычную уличную ерунду: закурить, сотку до завтра, «ты с какого района», «а че такой серьезный». Денис остановился не сразу, а сперва сделал еще два шага, потом замер и только тогда повернул голову.

Из тени между двумя подъездами вышел мужчина лет двадцати, - тридцати, хотя болезнь и недоедание за последний год сделали определение возраста, весьма условным занятием. Выглядел он именно как районный гопник из старых мемов, только дурно и наскоро собранный заново. Черная спортивная куртка с белыми полосами по рукавам. Тренировочные штаны, вытянутые на коленях. Когда-то белые кроссовки с лопнувшей подошвой. На шее — тонкая цепочка, потемневшая от грязи. Щеки впалые, кожа с сероватым, восковым оттенком. Под глазами — темные тени, как синяки.

Но хуже всего была осанка.

Грудь и живот выпячивались вперед не по-человечески, так, словно позвоночник был прикручен к невидимому колесу, за спиной. Руки мелко дрожали. Голова тоже подрагивала стабильно как у сувенира, - болванчика, но коротко и резко, и Денис потерял какие либо иллюзии, насчет состояния здоровья собеседника. По телевизору в первые недели именно это и показывали на инфографике — «мелкоамплитудный постуральный тремор, нарушение координации, ранние изменения походки». Тогда это выглядело как медицинская картинка из плохого утреннего эфира. Теперь это стояло перед ним и улыбалось.

— Не ссы, всё нормально, — сказал мужчина. — Я это... пиво холодного хотел предложить. Посидим, потрещим. Один остался. Совсем. А одному, братан, знаешь как... крышу рвет.

Он улыбался почти по-человечески. Почти. Но рот у него работал как-то не так. Сначала дергалась правая сторона, потом левая, потом челюсть словно искала нужное положение и не находила. На мгновение Денис увидел влажный блеск жёлтых зубов торчащих из опухших багровых десен. И еще — то, что всегда выдавало таких окончательно: смех, который подступал изнутри резко и без причины, как рвота.

— Иди дальше, — сказал Денис.

Мужчина остановился, будто действительно обиделся.

— Да ладно тебе. По-людски же. Я не трону. Серьезно. Просто посидим. Пиво холодное... с рыбкой можно. У меня было. Или будет. Найдем, короче...

Он сделал шаг ближе.

И еще один.

Денис уже тянулся к ремню.

Меч висел за спиной, чуть сбоку, чтобы можно было выдернуть его одним движением. Не настоящий меч, конечно. Дед Дениса нашел старую косу, разогрел в печи и выпрямил крепление насадив ее на метровый обрезок черенка. Получилось оружие грубое, пугающее и недоброе, с очевидным для каждого назначением. Рукоять Денис обмотал полосами брезента и нарезанными колечком кусками старой велосипедной камеры, чтобы не скользила в ладонях. Эстетики в этой вещи было мало, зато выглядела она красноречиво и наносила страшные раны.

Он демонстративно поднял меч вверх и опустил его перед собой под углом.

— Иди нахер отсюда, — сказал он спокойно.

Мужчина устоял на лезвие. Потом перевел взгляд на Дениса. Потом засмеялся.

Не громко. Хуже. Сухо, судорожно, с тем самым ломким взвизгом, от которого у здорового человека внутри все сжималось, потому что этот смех не имел отношения ни к веселью, ни к злости, ни вообще к чему-то человеческому. Так, наверное, мог бы смеяться какой ни будь заводной клоун, если бы у него вдруг сгнила половина деталей, а оставшаяся половина решила, что это повод для радости.

Он пошел вперед.

Денис уже начал переносить вес на правую ногу, собираясь рубить по шее, когда хлопнул выстрел.

Выстрел пришелся точно в голову.

Правую сторону черепа у мужчины словно вывернуло наружу. Кусок кости, кровь и серо-розовая масса с влажным шлепком ударили в стену дома, оставив на выцветшей штукатурке

косой веер брызг. Тело еще сделало два шага — по инерции, как человек, который споткнулся, но не успел это понять, — потом колени у него подломились, и он завалился вперед, уткнувшись лицом в горячий асфальт. Ноги несколько раз дернулись. Руки сжались и разжались, словно он пытался ухватиться за что-то невидимое. Потом всё закончилось.

Эхо выстрела коротко покатило между домами и быстро затихло.

Денис не опустил оружия.

Он стоял, чувствуя, как в ладонях липнет пот к обмотке древка, и смотрел туда, откуда стреляли. Из-за угла соседнего дома вышел Лёша.

Лёша был в своей обычной летней одежде, свободная потертая джинсовая куртка, с рукавами обмотанными скотчем, камуфляжные штаны, высокие берцы, кепка с выгоревшим козырьком. В руках у него была «Сайга», от ствола шел легкий дымок после выстрела. Он шел быстро, но без суеты, как человек, для которого это занятие мало отличается от обычной работы на заводе или на даче.

Следом за ним показалась женщина.

На ней были тёмные джинсы, короткая кожаная куртка цвета мокрого асфальта и высокие сапоги на липучках. Красивое лицо немного портили накачанные губы, особенно нелепые сейчас, когда никто уже не мог позволить себе ни косметологов, ни пластических хирургов, и даже антибактериальное мыло было роскошью. Её возраст было невозможно определить с первого взгляда: в одном повороте головы она казалась женщиной под сорок, в следующем — почти ровесницей Дениса, если не считать глаз. Глаза у неё были старше лица. Намного старше.

За ней вышел Макс, парень, примерно возраста Дениса, худой, коротко стриженный, с рюкзаком за спиной и заточенным крестом из арматуры, укрепленном на черенке от лопаты, вид у него был настороженный.

— Хорош болтаться одному, — сказал Лёша, подходя ближе. — Солнце мозги расслабляет.

Денис выдохнул и только теперь опустил лезвие.

— Я его видел, — сказал он. — Но думал, может, обойдет. Пока они соображают, они обычно осторожные.

Лёша покосился на мёртвого.

— Такие теперь редко обходят. Если заговорил — значит, нападет. С утра ни один не напал, а ближе к вечеру повылезли. Пошли делом займемся лучше, надо до вечера валить отсюда.

Женщина на распластанное тело, потом на кровавые брызги на стене, и скривилась не от ужаса, а скорее от раздражения. Она перевела взгляд на Дениса.

— Ты чего один попёрся?

— До магазина хотел пройти, пока вы связь налаживаете — сказал Денис.

— До какого? — спросил Макс.

— Там бытовая химия, магазинчик на первом этаже. Посмотреть, не осталось ли там чего.

Лёша подошёл к труп, ткнул носком ботинка в плечо. Тело не отреагировало. Он еще немного постоял, держа «Сайгу» наготове, потом присел на корточки и, не касаясь руками, заглянул покойнику в лицо.

— Черепа, считай, нет. Этот уже никуда не пойдёт.

— Спасибо, доктор, — сказала Иза.

Макс, смотрел на труп чуть со стороны, внимательно, как смотрят на поломанный механизм, который может вдруг сработать снова.

— Думаю ему так даже лучше — сказал Денис, сам не очень понимая, зачем это говорит.

— Если я таким стану, — негромко сказал Лёша, поднимаясь. — даже не думайте.

На секунду все помолчали.

Солнечный день от этого не испортился. Наоборот — стал как будто еще ярче и веселее. На доме напротив отражался свет, яркий и чистый. По перилам балкона первого этажа, важно, как какойнибудь, министр, выхаживала ворона. В окне третьего этажа, в котором не было ни стекла, ни оконных рам, шевельнулась занавеска, наверное от ветра.

Денис почувствовал знакомое, мерзкое раздвоение. Мир вокруг выглядел так, словно жизнь продолжается. И в каком-то смысле она действительно продолжалась: трава росла, птицы орали, солнце жарило, люди ходили, ели, ругались, стреляли, запасали соль и семена, стирали носки в тазу, кипятили воду, спорили, кто в чьей смене дежурит у края деревни. Только поверх всего этого легло что-то вроде прозрачной пленки, под которой жизнь уже была не той. Как мясо под целлофаном в магазине, когда оно еще вроде свежее, но уже понимаешь, что нет.

Лёша повернулся к нему:

— Мы договорились что ты осмотришься, пока мы осматриваем склад. А ты поперся, почти до конца квартала. Бабуля сказала, чтоб я за тобой присматривал.

— Я недалеко.

— Недалеко — ну да. А если бы ты десяток таких тут встретил? Или что похуже?

Он сказал это без нажима и упрека, почти лениво, но Денис всё равно кивнул.

С этим Лёшей было трудно спорить. Не потому, что он любил командовать — как раз нет. Более того он почти не спорил. Просто в его словах почти всегда оставалась какая-то неприятная, но проверяемая реальностью правда и искренность. Он был из тех взрослых мужиков, которые до всего этого, наверное, могли вкалывать на заводе, чинить забор, ругаться на цены в магазине, возить детей на речку, а потом, когда мир покатился под откос, довольно быстро сообразили, что паника — роскошь, а выживание — скучная работа, ничем не отличающаяся от любой другой, только состоящая из тысячи мелких неприятных решений.

— Ладно, — сказал Лёша. — Раз уж так, давай сходим до твоего хозмага. Хотя будь у нас время лучше бы с машинами повозились еще. Десять минут, туда обратно. Время пошло. А потом топаем на крышу связь устанавливать. Может духи найдем, благоухать будем, или одеколон, говорят он очень востребован.

— Или корм для кошек, — сказала Иза.

— Корм для кошек нам очень нужен, — ответил Лёша. — мышей то ты не ловишь.

Иза посмотрела на него с ледяным презрением, однако, однако в ее глазах на секунду промелькнуло что-то вроде искорки смеха.

Можно подумать ты в ресторанах пистаешься.

Лёша бросил взгляд на труп.

— Надо бы оттащить с дороги. И в башку добить еще раз, на всякий случай.

— Там уже нечего добивать, — сказал Денис.

— Это ты так думаешь, — ответил Лёша.

Лёша закинул Сайгу за спину и обращаясь к Максиму сказал, -Давай. Максим перехватив свое оружие как клюшку для гольфа, сверху в низ ударил в голову лежащего. Череп дернулся, как пустая коробка, и на асфальт брызнуло еще немного бурой жижи. Ворона с подоконника тяжело сорвалась и, хлопая крыльями, перелетела на крышу автобусной остановки.

— Вот теперь да, — сказал Лёша. Кстати на ворон эта прионная зараза не действует, замечали?

Они оттащили тело к кустам у тротуара, взяв его за штанины. Труп оказался легче, чем должен был бы весить взрослый мужчина. Или это Денису так показалось. Когда они волокли его по асфальту, голова моталась из стороны в сторону, оставляя позади густую темную полосу. Иза стояла чуть поодаль и смотрела в сторону домов, держа в руке короткий охотничий нож.

— Смотри по окнам, — сказал Лёша ей.

— Без тебя знаю.

Они бросили тело в кусты. Костяк, который лежал там раньше, оказался почти под ним, и от этой случайной близости Денису стало не по себе. Один — уже давний, выеденный до белизны. Другой — свежий, теплый, ещё пахнущий железом, потом и болезнью.

Максим подумав несколько секунд, зацепил своим оружием и старый костык лежавший на дороге и оттащил туда же.

Бывайте ребята, просто сказал он.

Когда они снова вышли на середину улицы, Лёша махнул рукой.

— Пошли.

Они двинулись медленно, не разговаривая первые минуты. Шли цепочкой: впереди Лёша, потом Денис, потом Максим и Иза. Каждый на дистанции десятка шагов от другого. Так было удобнее — и для обзора, и на случай, если кто-то выскочит сзади. Город в такие часы казался особенно обманчивым. Днем зараженные почти не встречались, обычно появляясь под вечер, особенно в жару. Сейчас их было немного, болезнь была смертельной, пока ее не начали экстренно лечить. Те, в ком болезнь еще оставляла что-то вроде человеческого поведения, прятались в тени, в подъездах, в подвалах, в квартирах с зашторенными окнами. А те, кого болезнь изменила сильнее, могли лежать где угодно, почти не двигаясь, копя силы, как пауки.

Денис шел и чувствовал, как внутри, без всякой логики, всплывает не недавняя сцена, а совсем другое — начало. Не потому, что выстрел напомнил. И не потому, что этот смеющийся мужик был особенно страшным. Просто так иногда бывало: одна картина — солнечная улица, выбитые окна, костяк у куста — толкала в памяти другую, и за ней шло всё остальное, цепью, без спроса.

Начало

Он вспомнил, как всё выглядело до того, как начали показывать врачей по телевизору. Тогда ещё слово «прион» ничего для него не значило.

Тогда он учился в колледже, играл по ночам, днём зависал в мемных пабликах, спорил в чатах про железо, про игры, про то, что в стране опять всё делается через одно место, и временами подрабатывал курьером, потому что деньги нужны были всегда, а особенно — когда кажется, что взрослой жизни ещё нет, но траты на нее такие, что сколько не заработай. Не хватает. Жизнь была раздражающей, смешной, местами унылой, но понятной. Утром пары, днём доставка, вечером игры, иногда друзья, иногда энергетик, иногда сон под утро. Новости существовали где-то сбоку — как плохая погода или очередной идиотский закон. Шум, который не имеет отношения лично к тебе и непонятно зачем вообще нужен.

А потом начались летние каникулы и Денис уехал в деревню к деду с бабушкой. Отца он не помнил. Мать пахавшая на двух работах умерла, когда ему было двенадцать, оторвался тромб, а с родственниками Денис почти не общался и вообще после смерти матери жил будто по инерции.

Потом оказалось, что уехал вовремя.

Деревня была маленькая. Настолько маленькая, что если посмотреть на карту, она выглядела не населенным пунктом, а чьей-то ошибкой при печати: одна короткая улочка с грунтовой дорогой, местами подсыпанной щебнем и бутом, пруд с заросшим берегом, автобусная остановка советских времен, красивая бетонная конструкция времен СССР украшенная мозаикой из стеклянных кубиков, которая не видела маршрутки с 2019 года, когда частных «оптимизировали», указом «неравнодушного» губернатора, который сразу после назначения нашел кучу недостатков в действиях предшественников, незамедлительно их раскритиковал, однако и за первый год губернаторства значительно их обошел в этой дисциплине, частники чьи автобусы были недостаточно хороши, пропали, — при этом муниципальный перевозчик и на выгодных маршрутах оставался убыточным, рейса до деревни не было, а ближайший автобусный рейс был до райцентра. Еще в деревне был магазин, который открывался раз в месяц на несколько дней, где были соль, сахар, печенье и самогонка из под прилавка и редкая россыпь домов, будто кто-то начал строить поселок, устал и бросил на середине.

Шестьдесят семь дворов, говорил дед, и всегда произносил это с такой точностью, будто численность дворов была какой то важной семейной тайной.

— Было семьдесят два, — поправлял он иногда сам себя. — А до Хрущева триста с чем то дворов было и рядом еще три деревни, километрах в 5-7 в округе, там щас одни пеньки. Но остальные давно уже не дворы, а видимость одна. Где хозяева померли, где дети не приехали, где дома уже сгнили.

Половина домов и правда стояла пустая. В одних окна были целые, но за стеклом уже скапливалась какая-то особенная нежилая пыль. В других наличники облезли, огороды заросли бурьяном, а палисадники превратились в заросли сирени и крапивы. На одном дворе баня провалилась внутрь себя, как сгнивший ящик. На другом сарай держался на честном слове и разъехавшихся в разные стороны кривых досках, но упрямо стоял уже, наверное, лет десять после того, как должен был сложиться. Метрах в двухстах от оставшихся домов, стояла заброшенная церковь, а еще дальше у речушки остатки стен добротной каменной мельницы и еле торчали из земли руины мастерской какого то купца, которого как говорил дед в двадцатые годы прошлого века куда то выслали.

Денис любил приезжать сюда раньше — в детстве, потом реже, потом совсем редко. Лазить в развалинах мельницы, где он как то нашел несколько причудливого вида склянок и бутылок и огромную медную двухкопеечную монету. В деревне было скучно, но хорошей,

честной скукой, не городской. Здесь время не летело, а тянулось, как тёплый мёд. Можно было пойти к речушке, которую звали Змейкой, сидеть на мостках, смотреть, как у воды дрожат стрекозы, и не думать вообще ни о чем. Можно было помогать деду с огородом. Можно было есть на веранде огурцы и помидоры с солью и черным хлебом. Можно было вечером слушать телевизор из соседней комнаты, не вникая в содержание, просто потому, что голоса взрослых по ту сторону двери всегда создавали ощущение, будто мир в порядке.

Когда он приехал в тот раз, мир уже, возможно, начал ломаться. Просто этого ещё не было видно.

Он добрался автобусом до райцентра, потом дед забрал его на своей старой «четверке» — бежевой, с бугристой ржавчиной по низу дверей, замазанной битумной мастикой и запахом бензина, сырой земли и гаража в салоне. Машина заводилась не сразу, а после короткого, почти интимного разговора деда с приборной панелью.

— Давай, ласточка, не позорься, — говорил дед, поворачивая ключ.

«Ласточка» пощелкав релюшкой, с третьего раза все таки взялась и ожила.

Втягивающее менять надо, резюмировал дед. Через раз срабатывает. Ты обратно в город поедешь, я денег дам, купи, отправь почтой, я напишу какое.

Денис бросил рюкзак назад, сел рядом и по привычке уткнулся в телефон. Связь то появлялась, то пропадала. Лента грузилась рывками. Мемы, короткие ролики, кто-то жаловался на жару, кто-то — на пробки, кто-то — на препода, который завалил курсовую. Обычный мусор жизни. А между ним уже проскакивало что-то другое: странные видео, где человек в магазине начинал ржать и биться о полки; мутная запись с камеры подъезда, на которой женщина в халате долго стоит лицом к стене, а потом резко поворачивается и бросается на кого-то вне кадра; новости о вспышках «неизвестного неврологического синдрома» сразу в нескольких областях. В новостях смаковали подобные новости из Штатов и Европы. Власти были беспомощны. У нас все под контролем, ведутся проверки.

Поначалу это выглядело как очередная интернет-паранойя. Сеть любила катастрофы. Сеть кормилась ими. Стоило появиться одному странному случаю, не говоря о новых болезнях, как через три часа уже собирали теории, через шесть — схемы заговора, через сутки — мемы и футболки.

— Опять в телефон залип, — сказал дед, не поворачивая головы. — Там хоть хорошее что то пишут?

— Да как обычно. У кого-то люди с ума сходят. Ну и у нас все хорошо, а Америке хана.

— Значит, всё по-старому. Я еще в шестидесятые, в школе на политинформации слушал что Америке конец, сгнила окончательно и зеленая бумажка шестьдесят копеек стоит.

Дед был из тех людей, которые к новостям относились не то с недоверием, не то с личной обидой. Телевизор он смотрел внимательно, но так, словно всё время ждал, что ему соврут, и потом он сможет это с удовольствием отметить. Новости в интернете считал либо паникой, либо враньем, либо паническим враньем. При этом умудрялся быть в курсе почти всего.

— Про болезнь эту слышал? — спросил Денис.

— Слышал. По ящику с утра трындели. То ли вирус, то ли не вирус. Ученые разбираются. — Он фыркнул. — Раз говорят «разбираются», значит, никто ничего не понимает.

Дом деда и бабушки стоял ближе к краю деревни. Низкий, крепкий, с шиферной крышей, палисадником и яблоней, которая уже давно перестала быть плодовой в приличном смысле, но всё еще каждый год выдавала мелкие, кислые яблоки из которых получался на удивление вкусный компот и кислушка. Внутри пахло старым деревом, супом, сушеными травами и чем-то таким, что бывает только в домах, где долго живут одни и те же люди и всё лежит на своих местах десятилетиями.

Бабушка встретила его у двери, вытерев руки о фартук.

— Приехал. Худой. Опять, наверное, ешь как попало.

— Привет бабуль, — сказал Денис, обнимая её.

— Ты давай руки мой и садись.

Она была невысокая, сухая, с быстрыми руками и тем внимательным, насмешливым взглядом, который сразу давал понять: если попытаешься соврать, то, может, тебя и не разоблачат вслух, но заметят точно. Когда-то она работала лаборанткой — кажется, в районной больнице, потом в НИИ и за годы набрала оттуда такой запас практических знаний о химии, лекарствах, кишечных инфекциях, консервации, давлении, удобрениях и человеческой глупости, что легко могла стать популярным блогером, реши она поделиться с миром своей эрудицией.

За ужином телевизор работал фоном. Показывали обычную кашу из новостей, лиц, бегущей строки и тревожной музыки. Происшествия. Экономика. Погода. Затем — сюжет, из-за которого бабушка перестала стучать ложкой о край тарелки и прислушалась.

На экране появилась студия, потом — графика с изображением человеческого мозга и какой-то вращающейся белковой цепочки. Ведущая, слишком тщательно спокойная, сообщила о нескольких десятках случаев «острого нейродегенеративного синдрома предположительно прионной природы», зарегистрированных в ряде регионов страны. Слова были сложные, звучали солидно и оттого не сразу пугали. Но дальше пошли симптомы.

Забывчивость.

Потеря краткосрочной памяти.

Эпизоды дезориентации.

Тремор.

Нарушение походки.

Приступы немотивированного смеха.

Судорожные состояния.

Позднее — тяжелое поражение центральной нервной системы.

На экране мелькали схемы. Кора головного мозга. Базальные ганглии. Мозжечок. Компьютерные изображения белков, которые зачем-то показывали так, будто речь шла о рекламном ролике новой фармы, а не о болезни, от которой у людей меняется смех.

— W-прион, — торжественно произнес ведущий, словно рекламировал новую бытовую технику. — Так условно обозначен белковый агент, который, по мнению ученых, может вызывать цепную конформационную перестройку нормальных клеточных белков нервной ткани...

— Во-во, — сказал дед. — Уже и букву придумали. Название солидное. Значит, беда серьёзная.

— Или красивая для рекламы лекарств, сколько уже этих эпидемий было — ответила бабушка.

На экране выступал кто-то из медицинских начальников. Говорил, что ситуация под контролем. Что ведущие научные центры работают в круглосуточном режиме. Что создан межведомственный штаб. Что близки к разработке вакцины и ряда препаратов, способных остановить патологический процесс. Что гражданам рекомендуется сохранять спокойствие и доверять только официальной информации.

Денис слушал вполуха, но одно слово всё же зацепилось.

— А вообще вакцина от такого бывает? — спросил он.

Бабушка недовольно скривила рот и посмотрела на экран так, словно лично обиделась на формулировку.

— Какая еще вакцина, — сказала она. — Это если действительно прионная болезнь, а не их очередной винегрет из терминов, то там ведь не микроб и не вирус в обычном смысле. Это белок, который свернулся не так, как надо, и начинает другие белки за собой тянуть. Как криво застёгнутая молния, портит один белок за другим. Какая тут вакцина? Вакцина — это когда иммунитет учат узнавать врага. Ослабленная инфекция, которую организм сможет побороть и

запомнит как это делать. А тут враг, если грубо, сделан из того же строительного материала, что и ты сам.

— То есть не лечится? — спросил Денис.

— На сегодняшний день нет. Просто «вакцина» слово удобное. Телевизионное. Успокоительное. Теоретически что-то можно делать: блокировать прионы, каким то образом или запускать восстановление здоровых белков, хотя если бы мы такое могли то у инвалидов руки-ноги отрастали бы, наверное теоретически можно усилить устойчивость тканей, лезть в генетику, если ты безумец с неограниченным госфинансированием. Но «вакцина»... — Она покачала головой. — Нет, Денис. Это они для народа так говорят. Чтобы слово знакомое было.

— То есть врут? — спросил дед без особой надежды.

— Я бы сказала: упрощают. Хотя это почти одно и то же. Но не исключено что что то они пытаются сделать. Никто не хочет управлять безлюдной пустыней, думаю они стараются. Может и получится. Откуда нам знать.

По телевизору между тем показывали людей в белых халатах, пробирки, лаборатории, центрифуги и крупный план чьих-то сосредоточенных глаз над маской. Это должно было внушать доверие. Вместо этого внушало ощущение, что где-то уже очень давно всё пошло не так, а теперь просто начали снимать красивую картинку.

Вечером Денис снова полез в телефон.

Теперь лента грузилась лучше. И странного там стало больше.

В городских пабликах появлялись посты, которые быстро исчезали. Люди писали, что у родственников начались провалы памяти, потом дрожь, потом «какой-то дикий смех». Кто-то рассказывал, что сосед почти сутки бесцельно ходил по подъезду и пытался открыть все двери, забыв, где его квартира, пока него не увезла «скорая». Кто-то выкладывал фотографию полки с колбасой и подписью: «Народ, не жрите мясное после 14-го!, колбаса заражена» Кто-то в комментариях убеждал, что это фейк. Кто-то отвечал, что фейк — это когда тебе улыбаются из телевизора.

Один пост Денис запомнил особенно хорошо. Он был короткий, написанный нервно и без знаков препинания:

у брата сначала просто руки дрожали и смеялся невпопад

потом не узнал мать

потом сказал что стены дышат

скорая не приехала

Через полчаса пост исчез.

На его месте появился котик.

В деревне летом)

Ночью деревня была тёмной по-настоящему.

Не городской полутьмой, в которой всегда есть фонари, окна, вывески, фары и чужая жизнь за стенами, а старой, глубокой, почти природной. Только в доме деда из кухни падал на двор тёплый прямоугольник света, и где-то вдалеке, на другой улице, ещё горело одно окно — жёлтое и тусклое.

Денис лежал на диване в проходной комнате, слушал, как в соседней тихо кашляет дед, как бабушка возится на кухне, убирая посуду, как за стеной щёлкает старый холодильник, и листал телефон. Сеть опять то появлялась, то пропадала. Загруженные посты висели обрывками. Комментарии не открывались. Видео зависали на первых секундах, оставляя на экране перекошенные лица.

Чем дольше он смотрел, тем яснее становилось, что дело не в обычной панике.

В сети начинало проступать что-то знакомое по большим авариям и чрезвычайным ситуациям: сначала хаос, потом повторяющиеся слухи, потом попытка власти накрыть всё ровной простыней успокаивающих слов, а снизу — странное, рваное знание людей, которые уже увидели больше, чем им положено.

В одном канале писали, что заражение связано с мясопереработкой.

В другом - что это диверсия.

Потом всё чаще стало всплывать одно и то же: колбаса.

Сначала в шутку.

Потом с нарастающей злостью.

«Ну всё, дождались, докторская с сюрпризом».

«Если сдохну от сервелата, прошу на могиле написать: пал жертвой акции 1+1».

«Мой батя постоянно эту дрянь, теперь два дня ржёт и бьётся о стену. Совпадение?»

Под многими такими постами быстро появлялись сообщения: «Недоверная информация», «Фейк», «Не распространяйте панику». Потом посты исчезали.

Но появлялись новые.

Наутро дед вышел во двор рано. Когда Денис проснулся, тот уже колот дрова — не потому, что они были срочно нужны, а потому что дед вообще почти всё важное в жизни обдумывал в движении. Бабушка сидела на веранде, резала зелень и слушала радио, где сквозь шипение кто-то бодрым голосом рассказывал о мерах стабилизации обстановки.

- Поднимайся, — сказала она, не оборачиваясь. — Я блинов напекла.

Денис вышел босиком на холодный пол веранды и сел у стола с кружкой чая.

- В интернете пишут, что заражение от колбасы, — сказал он.

Дед перестал колоть. Воткнул топор в чурбак и повернулся.

- Я так и знал, — сказал он веско. — В этой колбасе химия одна и туалетная бумага.

Бабушка подняла на него взгляд.

- Ну нет, как видишь, мясо всё-таки добавили.

Дед усмехнулся, но быстро снова стал серьёзным.

- Шутки шутками, но если это правда, то заболеют многие. Значит, охват будет большой. Люди каждый день жрут, что под руку попадётся. И если оно уже по магазинам разошлось, то поздно креститься. Хорошо что мы эту дрянь никогда не покупаем. Спасибо маленькой пенсии, рыбалка и огород наше все.

- По телевизору говорят, что случаи единичные, — сказал Денис.

- По телевизору много чего говорят. — Бабушка убрала зелень в миску. — Вопрос не в том, единичные они или нет. Вопрос в механизме передачи. Если это действительно прионо-

подобный агент, то он может быть устойчив к обычной обработке. Такие белковые структуры иногда выдерживают то, от чего обычная инфекция погибла бы. Термообработка их не убивает. Нужна денатурация прионного белка, но как его денатурировать когда он в человеке. Да никак. Нагрев, химия — не всё работает так, как людям хотелось бы. И если кто-то пустил заражённое сырьё в переработку...

Она не договорила.

Никому не хотелось заканчивать эту мысль.

Денис посмотрел на телефон. Новостей стало ещё больше. Теперь их не только удаляли — их начали давить потоком официальных сообщений. Везде крутили почти одинаковые формулировки: ситуация контролируется, поводов для паники нет, проверка производственных цепочек завершена, все безопасные продукты находятся в обороте, выявленные партии изымаются. Вероятно модифицированные прионы разработаны во вражеской биологической лаборатории.

А рядом люди писали другое.

У нас в городе мясной отдел пустой, никто не берёт даже тушёнку

Соседка сказала, её сына забрали ночью, он три дня забывал слова

Кто знает, если уже ел, через сколько симптомы?

У отца сначала память поплыла, потом стала дёргаться шея. Сегодня ржёт и зовёт покойную бабу

Постоянно удаляют! Делайте скрины!

- Надо за продуктами ехать, — сказал Денис.

Дед посмотрел на него долго, как будто примерял мысль на вес.

-И так всё есть.

- Сейчас есть. А если потом не будет? Если закроют всё? Там уже народ пишет, что магазины пустеют.

- Пишут они.

- Дед.

Тот молчал.

Тогда заговорила бабушка:

- Пусть съездит с тобой. Не за мясом, конечно. Крупы, мука, масло, соль, сахар, спички, свечи. Крышки, если найдёте. Уксус. Лекарства, что будут. Да все что найдете. Похоже на этот раз беда.

- Зато всё к концу света будет готово, — пробормотал дед.

- Я серьёзно.

-Я тоже.

Он постоял, глядя куда-то мимо них, потом выдернул топор из чурбака.

- Ладно. Съездим.

Он сказал это почти буднично, но Денис сразу почувствовал облегчение.

К полудню они уже тряслись в старой «четвёрке» по дороге в пригородный супермаркет.

Асфальт местами шел волнами. На обочинах стояли рекламные щиты, ещё вчера бессмысленные, а теперь почему-то особенно противные: колбаса со скидкой, счастливая семья с пакетами, кредит за пятнадцать минут, своя студия всего за четыре миллиона, окна, двери, отдых у моря. Несколько машин ехали в ту же сторону. Встречных почти не было. Справа остался райцентр.

-Смотри, -сказал дед, кивнув на автобусную остановку.

Там стояли трое. Женщина с двумя большими сумками, мужик в куртке несмотря на жару и пожилая тётка с пустой тележкой на колёсиках. Все трое смотрели на дорогу так, будто ждали не автобус, а решение своей судьбы.

-Автобусы ходят? - спросил Денис.

-Наверное, - сказал дед.

Супермаркет встретил их полупустой парковкой и странной тишиной. Людей внутри было немало, но говорили они тише обычного, и от этого магазин напоминал не место покупок, а какое-то временное убежище, где все стараются не смотреть друг другу в глаза.

На входе Денис сразу понял, что что-то изменилось не только в новостях, но и в людях.

Полки с мясным стояли почти нетронутые.

Колбаса, сосиски, ветчина, фарш, охлажденные полуфабрикаты — всё это лежало в холодных витринах как выставка недоверия. Зато в отделах с крупами, макаронами, водой, рыбными консервами и бытовой химией уже зияли пустоты. Видимо основания для паники есть. Надо брать то что хорошо хранится. Не то, что хочется, а то, что переживёт неделю, месяц, зиму. Люди катили с собой по паре тележек, без счета набивая их продуктами.

— Вот тебе и ответ, — сказал дед тихо.

Они взяли тележку и пошли по рядам быстро, без лишних разговоров. У Дениса на карте скопилось пости двести тысяч за время работы курьером и поэтому на ценники он не смотрел.

Килька в томате.

Фасоль.

Гречка.

Рис.

Перловка.

Сушки.

Сахар.

Мука.

Подсолнечное масло.

Соль.

Чай и Кофе.

Сода.

Уксус.

Несколько банок кукурузы.

Сыр.

Печенье, пряники. Шоколада почти не осталось, но Денис выудил из глубины полки пару плиток кондитерского шоколада и шоколадную посыпку.

Чипсы и сухарики — за которые бабушка регулярно ругала Дениса, потому что «не надо есть всякую дрянь».

Газировка — «для энергии», как выразился он.

И вино с пивом — потому что крепкий алкоголь уже разобрали полностью.

Маслины.

У полки с консервами стояли две женщины и спорили шёпотом.

— Я тебе говорю, берем всё, что без мяса.

— А рыбные?

— Рыбные бери.

— А если и там?

— Тогда уже поздно.

У касс люди оглядывались друг на друга украдкой, как будто каждый мог оказаться уже слегка не тем. Один мужчина впереди них всё время потирал пальцы, будто стряхивал невидимую пыль. Денис поймал себя на том, что следит за его руками. За всеми руками вокруг. Не дрожат ли. Не слишком ли нервно двигаются.

На огромном экране под потолком вместо рекламы крутили новости.

Говорили об эвакуации заражённых для лечения.

О введении комендантского часа в ряде районов.

О необходимости гражданам оставаться дома и ожидать медиков для проверки состояния здоровья.

О том, что разработана новая вакцина, показавшая высокую эффективность не только против W-приона, но и при ряде других тяжёлых нейродегенеративных заболеваний.

Упомянули даже куру и болезнь Крейтцфельда—Якоба, так бодро, будто речь шла о сезонной простуде.

— Во размахнулись, — буркнула бабушка потом, когда они пересказывали ей это вечером. — От всего сразу. И от рака, наверное, впридачу?

— Кстати, да, — сказал Денис. — Там и про рак что-то было.

Бабушка на секунду замолчала.

— Вот это уже особенно плохо.

— Почему?

— Потому что когда тебе обещают средство сразу от всего, это или шарлатанство, или какой то эксперимент. А когда эксперимент проводят быстро и по телевизору улыбаются — это обычно значит, что времени уже нет.

После кассы они загрузили всё в багажник и на заднее сиденье. Пока дед возился с сетками, Денис ещё раз глянул в телефон. В ленте уже обсуждали другое.

Люди писали, что по домам ходят солдаты.

Что безопасные продукты и лекарства будут развезить силами МВД, МЧС и армии.

Что открыты специальные госпитали для заражённых.

Что всех больных заберут, вылечат, накормят, успокоят.

И тут же, рядом, — совсем другое.

У нас на соседней улице увезли всю пятиэтажку целиком, обратно никто не вернулся.

Не пускайте никого .

За городом лагеря, никакие не больницы

Там люди под открытым небом, вокруг блоки и колючка

Лекарств нет, просто ждут.

Удаляют, удаляют, удаляют

Когда они вернулись в деревню, день уже клонился к вечеру. Солнце стало мягче. Бабушка помогала разгружать сумки молча, только иногда коротко кивала, когда видела что-то полезное.

— Крышек мало взяли, — сказала она.

— Какие были, — ответил дед.

— Муки больше не было?

— В следующий раз.

Он сказал это уверенно, как будто следующий раз гарантирован.

Потом они сели ужинать и включили телевизор.

Там всё стало уже совсем похоже на плохую постановку, которую играют слишком старательно.

Показывали спецгоспитали для заражённых: чистые коридоры, белые простыни, врачи в защитных костюмах, пациенты, которые выглядели не опасно, а просто устало. Показывали продуктовые наборы. Показывали офицеров МЧС, бодро разгружающих коробки. Показывали президента, посетившего один из таких госпиталей. Он лично вручил пакет с продуктами многолетней матери, недавно показанной в репортаже, поговорил с врачами, пожал руки каким то радостным людям, сказал в камеру, что государство никого не оставит и пошел лично разносить пайки по палатам.

Дед посмотрел до конца, потом хмыкнул.

— Если человек вместо своей работы, бабушек через дорогу переводит, цветочки в парке сажает, пакеты по палатам носит и детей целует, — сказал он, — ему бы следовало уволиться и заниматься этими делами в своё удовольствие. А я вот именно его работой недоволен.

Бабушка даже не одёрнула его. Только покачала головой.

После ужина интернет снова ожил — ненадолго, рывками, как умирающий мотор.

И вместе с ним полезло настоящее.

Не подтверждённое. Рваное. Часто безграмотное. Паникующее. Но наиболее вероятное.

Писали, что солдаты приходят ночью.

Что где-то расстреляли целый подъезд, потому что «там были заражённые», а потом выжгли огнеметами, а жителей с двух других подъездов куда то увезли.

Что в лагерях людей держат толпами на площадках на улице, спешно огражденных бетонными блоками ФБС и колючей проволокой, а рядом не госпиталь а армейские мобильные медпункты на шасси грузовиков и прицепы.

Что никаких лекарств нет. Что лекарства есть, но от них хуже.

Что часть заражённых не умирает, а меняется, превращаясь в чудовищ.

Сначала это звучало как бред.

Потом одинаковые детали начали повторяться слишком часто.

Наросты на голове.

Утолщённые кости.

Скрученная спина.

Безумный аппетит.

Странная тяга к сырому мясу.

И ещё одно, самое страшное, во что не хотелось верить: многим становилось легче после того, как они ели человеческую плоть. Особенно мозг. Их называли «уроды».

— Ну это уже чушь, — сказал дед, без особенной уверенности. Иноагенты какиенибудь распространяют, за рубежом политики не лучше наших, а может еще и хуже.

— Может, и чушь, — ответила бабушка. — А может, нет.

— Ты-то что скажешь, учёная?

Она долго молчала, глядя на экран ноута Дениса, где ползли комментарии.

— Если очень грубо, — сказала она наконец, — прион поражает нервную ткань. Если кто то всерьез решил это победить и смог каким то путем изменить механизмы сворачивания белка, клеточную утилизацию, воспаление и регенерацию разом, то результат может быть любым. Особенно если часть ткани уже повреждена. Организм — не конструктор и не механизм. Из него нельзя выкинуть плохие белки и заменить хорошими. Он не чинится одной кнопкой.

— Ты хочешь сказать, эти уроды настоящие? — спросил Денис.

— Я хочу сказать, что, если по стране пошли массовые вмешательства в структуру нервной ткани на фоне паники, то я бы ничему не удивлялась. При тяжёлых нарушениях могут разъезжаться центры голода, боли, сна, агрессии. Если сверху добавить воспалительный шторм, гормональную кашу и дрянной препарат, на выходе получится все что угодно. К тому же, где брать белки на замену больным или чтобы их блокировать? Организм их должен вырастить?

Дед сидел, положив локти на стол, и мрачно смотрел в окно, где уже темнело.

— Значит, надо меньше слушать ящик и больше думать, — сказал он.

— Это всегда было полезно, — ответила бабушка.

В ту ночь Денис почти не спал.

С одной стороны, всё ещё можно было представить, что это просто большая паника, раздутые слухи, очередной медийный кошмар, который через неделю сдуется и останется в памяти как странная летняя история. С другой — слишком многое уже не сходилось. Телевизор гово-

рил одно, люди писали другое, а между ними стремительно росла пропасть, в которой обычно и живёт правда.

На третий день в деревне стали запираяться.

Сначала одна соседка перестала выходить за калитку. Потом мужик через два дома стал с вечера подпирать ворота ломом. Потом кто-то снял с сарая доски и заколотил окна в доме и на веранде. Деду это показалось разумной идеей, он взялся заколачивать окна и к вечеру не заколоченными остались лишь узкие полоски по верху. На улице ещё здоровались, ещё обсуждали погоду, ещё обсуждали кто что посадил и как оно растёт, но в каждом разговоре уже чувствовалось что-то новое — быстрый взгляд на руки собеседника, на глаза, на то, не слишком ли он улыбается не к месту.

В магазине при деревне сначала смели хлеб и спички.

Потом крупы.

Потом соль.

Мясное осталось.

Продавщица Нина, она же хозяйка деревенского магазинчика, женщина гулька и скандальная, стала говорить тише обычного. Когда Денис зашёл за дрожжами и остатками сахара, она наклонилась к нему через прилавок и шёпотом сказала:

— Ты бабке своей передай, пусть лекарства бережёт. Давление, сердце, всё. В райцентре аптеку закрыли и все по домам сидят. Военные закрыли выезд из райцентра, дорого пока свободна, я к родственникам поеду. Мне зять из района звонил: там уже грузовики разворачивают, говорят — распределение централизуют и его берет на себя государство. А это знаешь что значит? Это значит, ничего не будет.

Она быстро выпрямилась и уже громко спросила:

— Тебе ещё чего надо?

— Спички, сколько есть, зажигалки может — сказал Денис.

— Кончились. Есть спирт медицинский пятилитровка пять тыщ. Одна осталась. Дорого, но больше не будет.

Давайте, сказал Денис. Картой можно?

Пока да. Сигнал вроде есть. Но лучше наличку. Хотя не знаю что лучше. Карта так карта. Утром следующего дня по телевизору объявили карантин.

Сначала — в нескольких районах. Потом — в ряде областей. Потом в формулировках стало столько воды и осторожности, что стало ясно: вводят широко, просто бояться произносить это прямо. Говорили о временном ограничении передвижения, о санитарных кордонах, о защите населения. Параллельно снова показывали лаборатории и бодрое слово «вакцина».

Потом выступил какой-то важный врач с лицом человека, который уже три ночи не спал.

Он объяснял, что новый препарат:

снижает скорость агрегации патологического белка;

активирует клеточные механизмы аутофагии;

ограничивает распространение поражения в нервной ткани;

показывает перспективные результаты даже при запущенных формах.

Слова были правильные, почти научные. Денис спросил у бабушки, что она думает, и та только скривилась.

— Незнаю. Обновление клеток и регенерация у человека ограничены. Чтобы их разогнать нужны ресурсы которых в организме человека нет. Ну представь что у человека должен палец отрубленный отрасти. А может ноги. Что надо сделать с организмом чтобы запустить такое? Где организм возьмет для этого энергию?

— А если это помогает?

— Кому-то, наверное, помогает. Вопрос — во что потом превращается этот «кто-то».

К вечеру стали пропадать сети.

Сначала мобильная связь. Потом интернет остался только урывками, чаще ночью и рано утром. Телевизор работал устойчивее, но это само по себе уже выглядело подозрительно, как будто реальному миру выкололи глаза и отрезали язык, заменив все красивым плакатом. Проводной интернет работал хорошо, а мобильный практически не работал.

И тогда начались сообщения.

Не новости. Не посты. Именно сообщения — короткие, кривые, выдернутые из страха и спешки. Их пересылали знакомым, в деревенские чаты, в старые беседы, где раньше кидали открытки на праздники и шутки про картошку. Кто-то делал скриншоты.. Кто-то отправлял голосовые, которые доходили через раз.

Эти сообщения потом ещё долго жили у Дениса в памяти, как отдельный слой той весны — неофициальная летопись распада.

Не открывайте никому, сидите тихо. У нас ходят в форме, с оружием, в масках и противогасах, но без шевронов.

В городе лучше не быть. По улицам бегают психи. В двери ломаются. Солдаты увозят всех, у кого тремор или спутанная речь.

Кто знает, от дрожи что пить? У мамы руки как у старухи, а ей 48.

Потом — хуже.

Соседа ночью забрали, телефон выключен, где искать никто не знает.

Не едьте в районную больницу. Там не лечат, а сортируют. Уж лучше дома..

Если человек начал смеяться невпопад, не спорьте с ним и не говорите. Бегите.

Были сообщения от тех, кто писал почти научно, как будто держался за терминологию, чтобы не сойти с ума.

Наблюдаем у сестры: тремор покоя, шаткость походки, эпизоды дезориентации. Температуры нет. Зрачковые реакции странные. Местный фельдшер сказал ждать бригаду. Бригада не едет пятые сутки.

У отца пропала дрожь, но появилась бессонница, и агрессия. Съел сырое мясо из морозилки. Килограмма полтора, не размораживая даже просто сидел и жевал. Не узнаёт никого. Мы закрыли его на кухне.

Были сообщения из многоэтажек, где люди сидели по квартирам и слушали соседей через стены.

На восьмом кто-то уже третий час смеётся и бьётся в дверь.

Из 54-й пахнет газом, но никто не открывает.

Если кто живой в доме 17, подъезд 3, ответьте. У нас воды нет и внизу кто-то орет.

Они ночью скребут по двери. Не громко. Как будто ногтями.

Мы с ребёнком заперлись в ванной. Улица Ленина квартира 34. Помогите ктонибудь. Пожалуйста. Если утром не отвечу, значит всё.

Некоторые были почти невыносимыми.

Папа всё понимает, но слова путаются. Шепчет не пускай их. Кого их, не объясняет.

Мама сегодня не узнала чайник. Спросила, почему он на неё смотрит.

Сыну 14, спортивный, здоровый был. После укола сутки спал, потом встал и разбил зубами кружку. И зубы. Сейчас заперли в спальне. Он мужу за руку укусил. Господи прости.

У кого в первом подъезде есть верёвка покрепче и успокоительное? Не для себя.

Бабушка после некоторых сообщений молчала долго.

Однажды она сказала:

— Самое страшное в поражении мозга не боль. Самое страшное — человек ещё где-то там есть, но уже собой не управляет.

Через пару дней сообщения стали ещё страннее.

Сначала — слухи.

Видели одного без носа почти, одного глаза нет, весь в крови а живой и бегаёт.

У нашей на улице мужик после лечения начал весь как-то расти в лицо. Челюсть вперёд.
У них кожа на голове как корка, буграми.

Потом — детали, которые слишком часто повторялись, чтобы их можно было списать на массовый бред.

Они жрут как не в себя. Всё подряд. Потом людей.

Не бейте в грудь — бесполезно. Башку или шею.

После укуса вы станете таким же.

Крови много, запах сладкий, тёплый. На него ещё больше лезут.

**У одного кость из плеча торчала как рог. Не знаю

как он вообще двигался. Но двигался быстро.**

Они иногда стоят тихо. Думаешь, мёртвый. А потом как прыгнет.

Если слышите смех и щёлканье зубами — уходите.

Отдельным потоком шли сообщения от военных, полувоенных, охранников, мужиков с охотничьими ружьями и тех, кто внезапно оказался у блокпостов просто потому, что больше было некому.

У них язык был короче, суше и страшнее.

Коридор на трассе держали до 15:40. Потом попёрли толпой, человек триста, из них половина уже на людей непохожа.

Ночью свет не включайте. Идут на окна.

Если есть ацетон, бензин, масло — смешивайте и жгите их.

Не подпускайте зараженных к детям. Ни в какой стадии, даже если в уме. Бегите от них.

Даже если это ваш родственник и он зовёт по имени.**

На этом месте дед один раз сказал:

— Похоже все правда, Не думал дожить до такого.

— Что именно? — спросил Денис.

— Все.

Деревенский чат жил по ночам, пока связь ещё дышала. Люди, которые годами максимум пересылали друг другу фотографии кабачков и открытки к Пасхе, теперь обсуждали:

Обмен, топливо, таблетки, продукты.

Потом в чат пришло сообщение от терапевта из райцентра. Его звали Костя, и писал он сухо, без лишних слов.

Если есть выраженный тремор, странный смех, агрессия, нарушения памяти — изолируйте человека отдельно. Лучше свяжите. Если хватит духа, убейте.

Не пытайтесь привести в чувство .

После укуса — промывать много, долго, но надежд мало.

Медпомощи нет. Пока лучше сидите дома. Можем только держать на успокоительных, но и они заканчиваются.

Ниже кто-то спросил:

Кость, а укол этот брать или нет? Говорят военные даже на постах прямо делали.

Ответ пришёл только через двадцать минут.

Не знаю. Сначала всем легче. А потом через неделю-две по разному. Кому то хуже намного. У нас трое после него ушли в такую агрессию, что пришлось запирать, потом в лагерь увезли. Про Уродов слышали наверно уже .Больше ничего не скажу. Одному мужику лучше стало и даже как то бодрее стал и будто помолодел. Его военные увезли, целой колонной с мигалками и бэтэром, за ним одним приехали.

После этого в чате долго никто не писал.

Даже дед молчал.

Потом сказал:

— Значит, всё. Государство теперь будет выбирать, кого спасать красиво, а кого быстро списывать.

Бабушка сидела, опустив руки на стол.

— Не государство, — тихо сказала она. — Люди это делают.

И это, как потом понял Денис, было важнее всего. Болезнь, препарат, ложь в новостях, перекрытые дороги — всё это было страшно. Но по-настоящему мир ломался в тот момент, когда люди начинали решать, кого держать дома, кого не пускать за порог, кому верить через дверь, а кого добивать, если он уже не узнаёт собственного имени.

Связь умерла окончательно через два дня.

Потом мобильная сеть стала появляться на минуту-две на рассвете, как плохое чудо.

Потом не стало и этого.

Интернет почти пропал. Электричество давали по вечерам и выключали утром. А иногда его не было пару дней.

Остался телевизор. Подключенный к тому же интернету. Как ни странно кабельное тоже работало. Ноут подключенный к роутеру кабелем работал, но в пабликах царил тишина.

По вечерам телик работал. Слово кто-то действительно держал в порядке только самое необходимое для власти: электричество на несколько часов и возможность одностороннего «общения»

В новостях улыбалось, новая болезнь больше не смертельная. Ее лечат и если лечение провести вовремя, зараженные не умирают.

Показывали доставку продовольствия.

Показывали армейские колонны.

Показывали чистые палаты.

Показывали препарат, который то называли вакциной, то сывороткой, то протоколом экстренной терапии.

Показывали счастливых выздоравливающих, слишком чистых, слишком спокойных, слишком похожих друг на друга в своей телевизионной благодарности.

НО даже там не всегда все выглядело благополучно. То местный канал не успевал обрвать прямое включение, и в кадр попадал человек, которого держали втроём, а он смеялся так, что звукорежиссёр в панике убирал громкость.

Кто-то из региональных врачей начинал говорить слишком честно: — ...мы наблюдаем не только замедление нейродегенерации, но и тяжёлые соматические осложнения, в том числе патологическую регенерацию отдельных тканей, выраженные нарушения пищевого поведения, агрессию... И трансляцию прервали, включив рекламу.

— Ну вот, — сказала бабушка однажды. — Всё-таки не бред.

— Про уродов? — спросил Денис.

— Про то, что они полезли туда, куда не надо.

Дед выключил звук у телевизора.

На экране беззвучно двигались губы ведущей.

-Значит, давай так - сказал он. -Помощи не будет, делаем всё сами. Запасы бережем. Воду — копим. Бензин — бережём. Надо всем окна выключать на ночь, даже когда электричество есть. Не нужно внимание привлекать.. Калитку укрепить. Если начнут эвакуировать, никому не открываем, делаем вид что нас нет, если что спрячемся или бежим.

Погреб дед построил давно, задолго до всех бед, и строил его, как всё у себя: не быстро, не красиво, а основательно, будто собирался не картошку хранить, а пережить артобстрел.

Снаружи он выглядел скромно — приземистый бугор за домом, под навесом, с тяжёлой крышкой и железной скобой. Но внутри это было почти сооружение ГО. Пол был выложен старым кирпичом, местами бетонными плитами, а стены и перекрытие дед когда-

то делал из шпал и металлических рельсов, добытых ещё в девяностые по какой-то «бартерной» как выразался дед схеме.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.